

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ: «ПИШУ РОМАН...»

12 декабря писателю исполнилось 70 лет. Чем он живет сейчас и о чем думал всегда?

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

Владимир Катин

НЕОБЫЧНЫЙ декабрь стоит в нынешнем году в Европе. Морозы. По прогнозам предновогоднего Брюсселя снуют прохожие. Прозвучным шагом движется, пожалуй, только мы двое — Чингиз Айтматов и я, корреспондент «НГ». Знакомы уже не первый год — с тех пор, как восемь лет назад писатель приехал в Великое герцогство Люксембург, чтобы возглавить посольство СССР.

— На заседании президентского совета, членом которого я тогда был, — вспоминает Чингиз Айтматов, — Горбачев объявил о моем назначении на пост посла. Все, конечно, поздравляли, а Примаков в перевернутой позе: «Советником возьмешь?»

— «Еще как», — отвечал в том же тоне, — дай только добраться за место!

И, как говорится, лиха беда начало, после Люксембурга, в постсоветскую пору, Чингиз Айтматов переехал в Брюссель уже в качестве посла Киргизии, причем сразу в трех странах: Бельгии, Люксембурге и Нидерландах. Кроме того, Айтматов стал представителем при ЕС и НАТО.

Спрашиваю, не оторвался ли писатель-посол от родных корней. (Качает головой.) Не оторвался, не заматывает. Часто доводится быть и в России, и в своих краях, я ведь депутат парламента. К тому же в регионе создан Ассамблея культуры народов Центральной Азии с центром в Ташкенте. Это своего рода компенсация исчезнувших творческих союзов. Так вот, я президент этой Ассамблеи. В общем, все это вместе взятое дает мне возможность знать, что происходит в стране, в СНГ. А здесь я вижу европейскую действительность в ее самых различных проявлениях. Поэтому я лично считаю, что не только не отрываюсь от родины, но многое обретаю. Накапливаю замыслы, выстраиваю сюжеты, жизнь и темы осмысливаю, так сказать, в новых параметрах. Но драма моя в том, что постоянно не хватает времени для завершения текстов...

Потом я заговорил о том, что, по мнению многих, в произведениях последних лет угасает национальный колорит и, значит, уходит связанная с ним тематика...

— Я бы этого не сказал, — возразил Чингиз Торекулович. — Каждый художник развивается, эволюционирует в познании и наблюдении, в способах отображения действительности. Не более того, достигается некий син-

тез видения и выражения национальных и общечеловеческих свойств. Полагаю, что это неизбежный процесс развития современной литературы, порожаемый и многообразием, многополярностью мира, и тем, что называется глобализацией современной цивилизации.

За плечами Чингиза Айтматова 40 лет творческой деятельности, признание, успех, почет, награды. Он Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, трех Государственных и многих зарубежных, кстати, в том числе Австрийской в области литературы за 1994 год (беспрецедентный случай для зарубежного автора), почетный член академий ряда стран. По данным ЮНЕСКО, произведения Айтматова переведены на 137 языков, а общий тираж изданий просто не поддается учету. Похоже, что больше всего знают и любят творчество Айтматова в немецкоязычных странах — Германии, Швейцарии, Австрии, там практически в каждой домашней библиотеке есть его книги. Но в России, как объяснил такой интерес именно немцев, писатель разводит руками.

Для меня это, в общем-то, загадка. Получается, что в Германии, с которой мы воевали, меня понимают больше, чем в иной стране. А вы посмотрите, что творится на моих встречах с читателями в той же Германии! Собирается масса народа в огромных аудиториях, даже в церквях, чтобы выслушать его лекцию. И беседа-откровение длится два-три часа. Но не только немцы проявляют такой интерес. Японцы тоже пристально следят за всем, написанным мною. Практически все мои книги переведены на японский. Возможно, так происходит потому, что народы этих стран острее других (за пределами нашей страны) пережили войну и все, с ней связанное, а мои ранние вещи так или иначе затрагивают эту тему... Может быть, дело в этом... Но тогда чем объяснить интерес к вещам другого плана, к сугубо современному роману, например, «Тавро Кассандры»? Его называют космополитическим. Может быть, читатели идут к новым книгам Айтматова потому, что хотят не встреч со своим писателем независимо от тематики? Замечательно, когда у писателя есть круг постоянных читателей, ждущих от него новых произведений. Это, я вам скажу, очень вдохновляет, открывает...

Никогда не забуду один волнующий эпизод. В Вене, представляя себе, на вокзале была поставлена лиса по роману «И долгие века длится день». Полу-

чилося так, что построили здание нового вокзала, а огромное помещение старого приспособили под театр: соорудили ярусы зрительных рядов, сцену. Но самое интересное вот что: в романе есть постоянно повторяющийся мотив — «поезда идут с Запада на Восток и с Востока на Запад». А во время спектакля из окон, из застекленных дверей старого вокзала были видны эти проходящие поезда и персонажи появлялись не из-за кулис, а как бы прямо сходили с настоящих поездов и включались в действие. В этой постановке был прекрасно отражен мой замысел — сочетание мифа с реальной жизнью...

В старинном, оформленном в стиле ампира кафе «Метрополь» мы устроились за столиком в дальнем углу. Беседа сама собой перешла к размышлениям о том, как молодой человек, закончивший сельскохозяйственный институт и уже работавший по специальности в родной Киргизии, взялся за писательский труд и сразу же, с дебата, получил известность...

— Думаю, что такая судьба была мне как бы уготована с детства. Все началось с бабушки... Моя бабушка была великая сказочница, своего рода энциклопедия сказок. Каждое лето увозила меня в горы, где единственно моим развлечением были ее сказки. Знала она их множество. Теперь я думаю, что, наверное, она сама их сочиняла... Неловко издал книгу бабушкиных сказок, весьма и весьма необычных, правда, на немецком языке. Увы, как это ни странно, но у нас издать такого сложнее...

В общем, бабушка так развила во мне интерес к сказаниям, былинам, что сама потом была не рада, я стал надоедать: рассказы да рассказы. Но она и от меня требовала: «Ну а теперь ты что-нибудь расскажи!». И я рассказывал не только то, что слышал от кого-то, но и сам сочинял, придумывал свое. Я варился в этих сказках, былинах много лет подряд, формируя таким образом, впитывая в себя фольклор. Тогда ни она, ни я не придавали этому значения... Ну сказки и сказки. И только потом, уже будучи студентом и летая первые шаги в литературе, я стал ощущать в глубине души, что меня каким-то образом уже приобщили к творчеству, мне уже преподали основы сочинительства. Вот так заложенное в свое время бабушкой пробуждение. Появилось желание изложить на бумаге увиденное, услышанное, передать свои мысли, чувства, переживания.

Вторым фактором, повлиявшим на мое становление как писателя, была сама жизнь, реаль-

ность во всех проявлениях, с которой я столкнулся в раннем возрасте. (Айтматов замолчал, взгляд стал отрешенным.)

На вершинах гор моей страны лежат вечные снега, они тысячелетиями накапливаются, спрессовываются в ледяные глыбы. Постепенно тая, исходят ручьи, наполняющие реки, озера, арыки, дают людям чистейшую воду, дают жизнь... Так и сказания, былины, «предания старины глубокой» веками накапливаются в народе, и долг писателя — вобрать в себя ручейки устного творчества и соединить их в реки, озера, арыки своих произведений, чтобы сохранить и приумножить культуру страны...

На чем, значит, я остановился? Да, так вот, другим фактором, оказавшим влияние на мою писательскую судьбу, стала трудная, но яркая, насыщенная событиями собственная жизнь. Подростком, в четырнадцать лет, я стал секретарем сельсовета, потому что все мужчины ушли на фронт. Вот тогда-то я и увидел столько человеческих судеб, столько трагедий... Именно это потом и дало мне возможность написать «Джамилу», «Лицом к лицу», «Материнское поле», «Прощай, Гольсары!». Все эти вещи берут начало в реальных событиях, наблюдениях, испытаниях...

Чингиз Торекулович, давайте перевернем тему. Скажите, как к вам относятся в России читатели и издатели? Как на фоне всего происходящего в России складываются отношения со страной, откуда, собственно говоря, и пошла ваша слава. На Западе вас не забыли, ждут новых произведений, а как у нас?

— Надо честно признать, что сопоставить прежние и нынешние наши — писателя с читателями и издателями — отношения просто невозможно. Все стало, мягко говоря, значительно скромнее. Это, кстати, относится не только ко мне лично, таков общий настрой. Произошел разрыв с читателем. Я говорю о серьезной литературе. На мой взгляд, наша литература переживает сейчас кризис, чем-то напоминающий морковный год... Цвет есть, а крепости никакой...

В этом-то и весь парадокс, ирония свободы. Дело все в том, что нами не совсем правильно понимается свобода, в том числе и творчества... Все факторы для подъема литературы вроде бы есть, а подъема нет. Видимо, утрачена целенаправленность, нарушена иерархия человеческих ценностей, которые литературе надо охранять, отстаивать. Утрачено понимание истинно прекрасного и замечательного. Похоже, моральная несвободность ни к чему хорошему не приводит...

Но, знаете, не исключено и другое. Например то, что из всей этой сумятицы, из создавшегося по воле людей хаоса появится нечто новое и это новое выйдет из горнила переживаемых нашим обществом тревог, испытаний, сомнений. Ведь бывает же, что заблуждения, даже хаос, порождают совершенно неожиданные явления далеко не отрицательного свойства.

Поговорим, Чингиз Торекулович, о русском языке. Вы писатель двуязычный, это известно. Но сейчас в бывших союзных республиках русский язык в опале. На мой взгляд, там плывут в колдовом...

К примеру, если бы вы писали только на киргизском, когда бы ваши произведения дошли до читателей всего мира? Ваше творчество, каким бы хорошим оно ни было, оставалось бы запертым в границах Киргизии, не правда ли?

Айтматов смотрит на часы и сообщает, что, по европейскому времени, пора обедать и прилаживать в свой любимый ресторан. Уверен, что любой из читателей, увидевший в этот час полноту, но его здесь знают и быстро находят отдельный столик.

Вот он, рынок! (Айтматов показывает на зал, на улыбающуюся нам хозяйку ресторана.) Когда рынок с умом, без нахвата, так это прекрасно... Весь ресторан содержит трое: супружеская пара и мама одного из супругов. Все! Справляются без проблем...

Вот вы допытываетесь от меня, что происходит в нашей литературе, какой я ее вижу... С переходом, с хождением в ры-

ночную экономику — происходит и ломка литературы. Не считаю, что все происходящее следует воспринимать как негативное, отнюдь нет. Идут процессы пересмысления, пересмотра критериев, восприятия. Литература, она ведь, согласитесь, тоже проходит, так сказать, через пороги рыночной экономики. Проходя через рынок, всякого насмотришься, как на базаре, с чем угодно столкнешься. А когда пытаешься на ходу, походя что-то купить, то такое могут всучить! В общем, меня нынешняя литература удручает, не захватывает, не волнует... К сожалению. Но существуют и иные мнения на этот счет. Не спорю, они имеют право, чтобы быть и высказывались. Я высказываю свое... Появились молодые авторы, пишущие по-иному, чем мы, по-иному видящие человека, его переживания, чувства и действия. Пусть время расставит все по своим местам. У меня же лично такое ощущение, что наша литература утратила миссию облагораживания человека. Так я понимаю состояние дел в нашей литературе. Во всяком случае чего-то эпохального, значительного, на уровне Толстого, Достоевского, Чехова я не вижу, хотя возможности открываются как никогда огромные.

Ведь здесь-то собака и зарыта! Как понять такую простую, казалось бы, вещь: мы, писатели советской эпохи, испытывали сильный пресс и цензуры, и идеологии. Но вы творили, умея порой обходить все запреты и рогатки, и вместе создали целую эпоху — советскую литературу. Это сделала когорта литераторов, которые не дали налететь на себя идеологические вериги. Писателей этой когорты, и вас в том числе, переиздают, не исправляя ни строчки! И вот теперь, когда можно писать все, чего душа пожелает, когда впервые за всю историю нашей страны, подчеркиваю это, у нас нет цензуры, почему же нет выдающихся произведений? На мой взгляд, наша литература периода, как вы говорите, хождения в рынках, чем-то напоминает морковный год... Цвет есть, а крепости никакой...

Кстати, к вопросу о сближении стран и народов... По Киплингу: Восток есть Восток, Запад есть Запад, и вместе ни никогда не сойдется. А вы как считаете?

Конечно, в этой формуле заложена доля истины и какое-то, я бы сказал, начальное понимание проблемы... Существуют разные цивилизации, культуры, философские учения, религии. Но совсем необязательно, чтобы они противостояли друг другу. Отличаться не значит противостоять. Сближение происходит и будет происходить, но не механически. Сближение Востока и Запада идет в контексте общего процесса глобализации жизни на планете. Это касается не только экономической, коммуникационной и информационной сфер. Идут совместные поиски новых человеческих ценностей, понятий, принципов жизни. Формулы Киплинга, пожалуй, справедливы в историческом контексте времени, когда не было таких форм общения, как ныне, радио даже не было... В наше же время сближение идет полным ходом. Возьмите широкий культурный обмен, хотя бы в области эстрады, полюбите сценические, кинематографические контакты, возьмите спорт... Сближение, познание друг друга идет при сохранении национального колорита и своеобразия. Короче говоря, единство в многообразии, и, наоборот, многообразие культур и взглядов должны привести в конце концов к единому восприятию человеческих ценностей.

Судя по произведениям, ваши интересы планетарного масштаба. Здесь и Киргизия, и Россия, и США, и мир в целом. Даже космо. Что из происходящего в сегодняшнем мире тревожит вас больше всего?

Жизнь мы вроде бы в мирное время... Большой войны нет. Но много локальных войн. Если собрать эти войны все вместе, то получится, что значительная часть мирового экономического потенциала, человеческих ресурсов направлены на войну. Меня это беспокоит. В доперестроечное время мы долгие годы убеж-

дали своих потенциальных противников в том, что надо покончить с гонкой вооружений, чтобы обезопасить себя, и переклестить средства и энергию на благие дела. А что имеем? Везде — рынок опять диктует свою волю. То там, то здесь организуются и шикарно обставляются выставки, презентации новейших видов вооружений, устраиваются ярмарки для продажи оружия, проводятся показательные демонстрации усовершенствованных средств ведения войны и истребления людей. Торговля оружием сейчас процветает, как никогда прежде. Пресса и телевидение нас информируют, что продано столько-то такого-то оружия, нас стараются обрадовать новостью о создании сверхмощных истребителей и так далее. Рекламируется все то, что будет служить разжиганию новых военных конфликтов. Короче говоря, от чего ушли, к тому же и приходим — редкая страна не мечтает обзавестись ядерным оружием...

Спрашиваю себя: может быть, войны действительно неизбежны в истории человечества? Может быть, создание и разрушение — это две параллельные линии? Вот это меня тревожит и удручает. Недавно прочитал, что Украина продала какой-то стране триста танков. И это преподносится как большое событие, как достижение! Чем кичимся? Видимо, и здесь вновь действует закон пресловутой рыночной экономики...

Давно хочу спросить: вы охотник, на волков ходили?

— Вот охотой-то как раз не увлекаюсь. А о волках спрашиваю меня многие. Я много наблюдал за волками, они в изобилии водятся у меня на родине, в горах, нападают на отары овец. Мой интерес к волкам, равно, как и интерес читателей, объясняется, должно быть, тем, что волки все же присутствовали в жизни человека. Так сказать, истари они постоянно были где-то рядом, с одними видами человек враждовал и враждует, другие приручил.

А сколько сказок, легенд, поговорок о волках... А если по сути, то мое обращение к теме волка, как это сделано в романе «Плаха», проликовано стремлением обратить внимание на «братьев наших меньших».

Чингиз Торекулович, вы человек религиозный?

— Видите ли, у меня своя внутренняя вера. Но чтобы ходить куда-то, биться лбом, думаю, что меня услышат где-то там, наверно... Религия, по моему мнению, должна быть замкнута в пространстве сознания самого человека. Для меня ясно одно: назначенные религией существуют в том, что помогает совершенствованию человека. Но она не может диктовать что-то в жизни...

Интересно, как вы работаете, какая у вас, выражаясь технически, продуктивность? Мой давний друг французский писатель Робер Мерль рассказывал: пишу машинисткой строчку текста в день, если две — то это уже достижение, ну а если случается три, тогда на следующий день лежу на диване и отдыхаю. Потом, говорит, все написанное забираю в шкаф стола на год и уже после того, как роман вылежался, перепечатаю и перепечатаю заново...

У каждого писателя свой ритм, свои возможности. Я лично завидую, значит, у кого спокойная жизнь и он может рукописи отложить на целый год и потом се пересомыслить. У меня таких возможностей нет. А даже если бы и были... Я считаю, что если созданная тобой вещь идет от каких-то актуальных ощущений жизни, то ее

нельзя откладывать на год. Она должна состояться как можно скорее. Что же до техники писания... Мне уже 70 лет, многие годы я тешил себя иллюзией, что вот будет у меня вдоволь свободного времени, освою компьютер, тогда-то работа закипит, пойдет быстрее... Но не получается... Ни со свободным временем, ни с освоением компьютерной техники... Я пишу от руки, затем жена перепечатывает на машинке, снова редактирую, снова перепечатка, словом, обычная работа вручную. Сколько «вырабатывается»? Ну это раз на раз не приходится — порой и страничка с трудом дается, а бывает, так пойдет, что и до пятнадцати выдешь наготора...

— Юлиан Семенов про тридцать и больше писал за день...

— Ну, такого у меня еще не было... Но когда получается примерно пятнадцать, это здорово. Чувствую приятную усталость, ошущая в то же время удовлетворение от сделанного. Это замечательно...

По пути в посольство Киргизии, куда мы направлялись уже с наступлением сумерек, я вспомнил о недавно прочитанной газетной информации: ЮНЕСКО приняло решение отметить 70-летие писателя проведением в Париже специального colloquium, посвященного этой дате. Прошу подробнее рассказать об этом мероприятии. Айтматов сначала отнекивался, но под моим напором сошелся.

Да, действительно 22 февраля в парижской резиденции ЮНЕСКО пройдет такой colloquium. Для меня это большая честь. Следуют известные литераторы, литературоведы, условно говоря, айтматоведы. Американцы, канадцы, японцы, много немцев. Но самое приятное для меня, что придет наши отечественные литературоведы — русские, киргизы, казахи. Приглашены, в частности, Гачев, Семенова, Огнев, Золотов. Это люди, которые постоянно соприкасаются со мной. На colloquium же разговор пойдет не только о моем творчестве, но и о проблемах современной литературы в целом, о ее роли в общественной жизни.

По-моему, ЮНЕСКО нашло нужным провести такую встречу еще и в память об Исыккульском форуме. Ведь мы тогда открыли совершенно новую форму общения. Это был прекрасный форум единомышленников в незабываемом 1987 году, в начале перестройки. Потом эстафета перешла к другим странам, встречались мы, например, в Испании, Швейцарии. Во всяком случае, Исыккульская инициатива не канула в никуда...

Посольство Киргизии в Брюсселе небольшое, как по размерам здания, так и по численности персонала, — пять сотрудников (вместе с послом). Первым делом Айтматов справляется насчет денег, факсов, телефонных звонков в его отсутствие. Докладывает, что получил телефакс из Соединенных Штатов. Читаем вместе: «Глубокоуважаемый Сэр! Международная Академия Наук, Образования, Промышленности и Искусств в Калифорнии горячо поздравляет Вас со славным юбилеем и присуждением высшей награды Академии — Золотой медали имени Эйнштейна «За выдающиеся достижения».

Пронявшись, желаю, как водится, творческих удач и спрашиваю о замыслах.

— Пишу роман. Действие начинается в далекие времена и простирается до наших дней. Полноту уже прошел... ■

Брюссель

«КТО ПРАВИТ В РОССИИ». ВЕРСИЯ ДЕКАБРЯ 1998 ГОДА.

После годового перерыва, вызванного постоянной и непредсказуемой сменой российского правительства на протяжении 1998 года, вновь вышел в свет справочник «Maximov's Companion to Who Governs The Russian Federation/ Кто правит в Российской Федерации» (Том 4 №1, 1999). Это уже седьмой выпуск известного справочника, в котором наплето отражение беспрецедентное количество изменений, особенно на уровне структуры и персонала федерального правительства. Это неувидимо, если принять во внимание тот факт, что предыдущее издание готовилось в ноябре 1997 года. Это единственный на сегодня источник детальной информации по новому федеральному правительству, всем ветвям власти в Центре и на местах. В справочнике опубликованы данные, действительные на 17 ноября 1998 года, что делает их воистину «горячими».

В издании появились новые разделы «на злобу дня». Прежде всего это контактная информация по руководству и аппарату свыше 100 политических партий и объединений, которым формально разрешено участвовать в выборах. Партии сами предоставляли информацию о себе, что обеспечило

высокую степень ее достоверности. В региональные разделы справочника впервые включена информация о руководителях свыше 200 крупнейших предприятий России. В книге опубликованы адреса российских властных структур в Интернете, а региональные разделы дополнены телефонными справочными служб — по городам, железным дорогам, аэропортам и лучшим гостиницам. Иными словами, издатель старается сделать все для того, чтобы справочник стал незаменимым компаньоном любого путешественника в России. В результате всех изменений и дополнений возрос общий объем книги, в которой теперь на 850 страницах свыше 11 000 имен и более 14 000 номеров.

Начиная с седьмого выпуска, про справочники Максимова можно с полным правом сказать: «Сделано в России». Издательство смогло перенести печать справочника из Оксфорда в Санкт-Петербург (на АО «Светоч») без ущерба для качества. Подобное «импортзамещение» даже в условиях кризиса позволило значительно расширить издательскую программу Максимова. Только в следующие полгода планируется выход в свет трех новых титулов — «Кто правит в Поволжье», «Телевидение в России», «Телекоммуникации в России» и переиздание трех регулярных изданий — «Кто правит в Москве», «Кто правит в Санкт-Петербурге» и восьмого выпуска — «Кто правит в России».

ИЗДАНИЯ МАКСИМОВА. 925-5696, 924-1233, 937-6302